

Холодная война и международные отношения
в постбиполярном мире
в свете теории гегемонистской стабильности

Анастасия В. Митрофанова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, anastasia-mit@yandex.ru*

Аннотация. Теория гегемонистской стабильности (ТГС) представляет собой системную разновидность политического реализма, утверждающую, что смена мировых гегемонов происходит в результате глобальной войны, которая приводит к временной стабилизации мирового порядка. Постепенно сила гегемона убывает, после чего другие великие державы получают возможность бросить ему вызов. На короткий период возникает многополярный мировой порядок, затем гегемон и коалиция соперников начинают новую войну за мировое господство. ТГС предполагает, что после 1945 г. гегемоном являлись Соединенные Штаты Америки, а соперником – Советский Союз. То, что соперничество приобрело характер холодной войны, обычно объясняют изобретением оружия массового поражения. В статье сделано предположение, что конфронтация США – СССР носила не геополитический, а идеологический характер, что сделало невозможным «нормальное» гегемоническое соперничество сверхдержав. Система 1945–1991 гг. не являлась гегемонистской в полном смысле. Это была псевдобиполярная система, поскольку взаимосвязи между социалистическим и капиталистическим лагерями практически отсутствовали. США являлись безоговорочным гегемоном для капиталистической части мира, в то время как социалистическая часть во главе с СССР вообще не участвовала в геополитической борьбе за лидерство.

Ключевые слова: теория гегемонистской стабильности, холодная война, идеологическая конфронтация, псевдобиполярная система

Для цитирования: Митрофанова А.В. Холодная война и международные отношения в постбиполярном мире в свете теории гегемонистской стабильности // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 2. С. 22–36. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-2-22-36

Cold war and international relations in the post-bipolar world in the light of hegemonic stability theory

Anastasiya V. Mitrofanova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
anastasia-mit@yandex.ru*

Abstract. According to the hegemonic stability theory (HST), the change of world orders takes place as a result of wars for world leadership. Immediately after the end of such wars, world order becomes temporarily stable. Then the hegemonic power erodes; the “phase of challenge” comes when the other world powers start making plans about replacing the hegemon. At this stage a multipolar world political system emerges, consisting of the hegemon and its challengers who wage the next world war. HST suggests that in 1945 the USA became the world hegemon and the USSR played the role of its rival. The war for world leadership became “cold” due to both parties having nuclear weapons. The article suggests that the USSR – US confrontation was not so much geopolitical, as ideological. This fact made impossible a “normal” hegemonic competition of the superpowers. The 1945–1991 system was not hegemonic in the full sense. It was a pseudo-bipolar system (“pseudo” – because there was no mutual dependence between the capitalist and the socialist camps): the USA was an unequivocal hegemon for the capitalist part; the socialist part, headed by the USSR, has never participated in the geopolitical struggle for world leadership.

Keywords: hegemonic stability theory, cold war, ideological confrontation, pseudo-bipolar system

For citation: Mitrofanova, A.V. (2020), “Cold war and international relations in the post-bipolar world in the light of hegemonic stability theory”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 22–36, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-2-22-36

Введение

Большинство современных авторов, даже не разделяющих теорию гегемонистской стабильности, не подвергают сомнению факт «биполярности» мировой политической системы в период холодной войны, тем самым имплицитно поддерживая идею ТГС о соперничестве за гегемонию между СССР и США. Мы же предполагаем, что биполярность периода холодной войны являлась кажущейся. В условиях идеологической и (как следствие) экономической несовместимости западной и советской систем речь не

могла идти о соперничестве за геополитическое господство, так как такое соперничество предполагает наличие единого центра управления. Цель статьи заключается в том, чтобы оценить применимость теории гегемонистской стабильности к периоду холодной войны. Достижению этой цели служит решение следующих задач: (а) установить исторические причины превращения реализма, в том числе системного, в доминирующий подход теории международных отношений (МО); (б) обосновать методологическую полезность ТГС для анализа структуры мировой политической системы; (в) выявить расхождения между теоретическими подходами ТГС и реальными характеристиками отношений западного и советского блоков в период холодной войны.

Превращение политического реализма в доминирующий подход к анализу международных отношений

Вероятно, все, кто получил высшее образование в Советском Союзе и изучал марксистско-ленинскую философию, знакомы с «основным вопросом философии»: «Что первично – материя или дух?» Интересной выглядит мысль о возможности сформулировать подобные «основные вопросы» для других дисциплин, в частности для теории МО. Методологическая полезность такого вопроса в том, что он позволяет, во-первых, почти безошибочно отнести любую конкретную теорию к одному из уже существующих подходов (ориентируясь на то, как она отвечает на «основной вопрос»), и, во-вторых, дает возможность создания совершенно новых теорий, не принадлежащих ни к одному из существующих подходов. Помимо этого, ориентируясь на попытки разрешить «основной вопрос», можно с относительной точностью установить момент перехода изучения мировой политики и международных отношений в разряд научных дисциплин, поддающихся верификации. По мнению автора, в качестве основного вопроса теории МО может выступать следующий: что определяет действия государства или других акторов на международной арене? Именно ответом на данный вопрос различаются различные подходы, внутри которых конкретные авторы и целые школы формулируют отдельные теории. Следует учитывать, что по меньшей мере до 1960-х гг. (если не учитывать классического марксизма, который все же нельзя назвать подходом в теории МО) государство рассматривалось как единственный допустимый актор; соответственно, под его действиями подразумевали, главным образом, вступление в войну

или воздержание от войны. Основной вопрос на ранних этапах развития теории МО звучал бы приблизительно так: «По каким причинам государство вступает или не вступает в войну?» Тогда первым подходом, претендовавшим на научность в теории МО, следует признать классическую геополитику рубежа XIX и XX вв., которая давала на основной вопрос однозначный ответ: действия государства (точнее – вступление в войну) определяются его географическим положением: островные государства ведут себя не так, как континентальные, и т. д. Несмотря на то что классическая геополитика существует до сей поры, ее проблемы с верификацией очевидны: география объясняет далеко не все в поведении государств, поэтому в классической геополитике быстро начали появляться «странные» объяснения: например, расположенная на островах Япония стала континентальным государством, Соединенные Штаты – островом, и т. п.

Следует отметить, что геополитика с ее несовершенными попытками найти научное объяснение поведению государства находилась на периферии современной ей теории МО. Господствующий подход строился в рамках общефилософских или общеэтических рассуждений, в частности действие государства объясняли такими факторами, как «добрая воля» или «взаимное согласие», которые сами по себе ничего не объясняют. Теория МО была чем-то вроде гибрида моральной философии с государственным правом, и занимались ею в основном философствующие юристы наподобие Вудро Вильсона. Неудивительно, что попытки действовать в соответствии с принципом «вильсоновского идеализма», провозглашающего существование общих для всех государств нравственных ценностей, уважение которых даст возможность избежать военных конфликтов, закончились провалом. Как пример можно взять и Пакт Бриана – Келлога, и создание Лиги Наций, причем Карл Шмитт, представлявший классическую геополитику, заранее предупреждал о крахе этого проекта именно по причине идеалистических ожиданий вильсоновцев. Декларирование гуманных и разумных норм международного права не предотвратило ни Второй мировой войны, ни локальных войн 1930-х гг.

В контексте неудачи Лиги Наций появление политических реалистов (Э. Карр, Х. Моргантау и др.) представляло собой методологический прорыв. Реалисты, объяснявшие действия государства на международной арене не моральными принципами, а *национальными интересами*¹, обеспечили возможность не только трактовать

---

¹Государство и нация не являются, строго говоря, синонимами. В научной литературе используется термин «безгосударственная нация»,

постфактум, но и прогнозировать поведение государств, в частности вероятность их вступления в войну (например, она возрастает, если затронуты жизненно важные интересы). Реалисты полагали, что их метод дает возможность оценивать внешнеполитические решения, не прибегая к помощи морали: задавшись вопросом, способствует ли данное решение сохранению и наращиванию силы государства или ведет к утрате силы и ослаблению. Такая оценка, по мнению Ханса Моргентау, научна и объективна, так как сила является нейтральным понятием, в то время как представления о морали социально обусловлены и вариативны [Morgenthau 1962, p. 80]. Однако необходимость реализации национального интереса Моргентау объяснить не мог и ссылаясь – недалеко уходя здесь и от классической геополитики, и от своих противников-идеалистов – на «естественное» стремление человека к господству [Brown 1992, p. 19]².

Для реалистов сотрудничество в мировой политике может быть только случайным, хотя ни один из них не может отрицать его существования. Возможности государств для реализации эгоистических интересов, естественно, различны, поэтому из хаоса международных отношений быстро складывается определенный порядок: государства объединяются в союзы. Но эти объединения носят временный характер, так как в рамках реализма невозможно объяснить периоды долгосрочной стабильности. Единственной формой сотрудничества предстают временные альянсы. Политические реалисты не отрицали возможности стабилизации международных отношений, но настаивали на ее кратковременном характере. Помимо этого, механизм стабилизации в классическом реализме остается неясным. Временные альянсы должны быть очень короткими и быстро перегруппировываться, не позволяя говорить о какой-либо системе.

Несмотря на все проблемы и недочеты реализма, крах Лиги Наций подтверждает, что он был теорией, адекватной моменту, так как демонстрировал невозможность долгосрочного мира и стабиль-

---

обозначающий этническую группу, живущую на территории какого-то государства, но не признающую его легитимности и желающую создать собственное государство. Следует говорить о государственном интересе, а не об интересах «наций» (например, не имеющих собственных государств). Английское *national interest*, французское *raison d'état*, немецкое *Staatsraison* означает «государственный интерес».

²Сходство с идеалистами заключается в попытке объяснить международные отношения, исходя не из них самих, а из философских умозаключений о человеческой природе.

ности на основе общих моральных ценностей. Взгляды реалистов стали базовым принципом анализа внешней политики в послевоенной американской теории МО. Методология реализма считалась достаточной для понимания того, что американские политологи и государственные деятели считали истинными мотивами поведения СССР, который заявлял, что не преследует национальных интересов. Некоторые авторы-реалисты (прежде всего Джордж Кеннан, Джеймс Бернхам) утверждали, что СССР, прикрываясь идеологией, как и остальные сильные государства, стремится к сохранению и расширению сферы своего влияния, к империалистическим захватам. Эти идеи послужили основой для разработки политики сдерживания СССР в географических границах послевоенного периода, а впоследствии для появления в американском внешнеполитическом словаре понятия «доктрина Брежнева», которое с точки зрения мотивов приравнивало СССР к капиталистическим государствам. Но проблемы политического реализма лежали намного глубже неправильного понимания мотивов Советского Союза.

Методологическая полезность теории гегемонистской стабильности применительно к периоду холодной войны

Главная методологическая проблема классического реализма заключается в его принципиальном стремлении рассматривать государства в качестве базовых элементов анализа [Burchill 1996, p. 80]. С точки зрения реализма, в мировой политике нет и не может быть особых типов государств; все государства функционально одинаковы и различаются только уровнем силы [Waltz 1979, p. 96]. Между тем для сложных систем (а МО являются именно такой системой) первоочередную важность представляет не анализ элементов, то есть государств, а анализ связей и отношений между ними [Поздняков 1976, с. 46]. Поэтому возникает системный реализм (К. Уолц, Р. Гилпин, Дж. Модельски), подхвативший гоббсианское наследие предшественников и объявивший хаос международных отношений тем «естественным состоянием», которое, возможно, существовало некогда в прошлом, но на самом деле представляет собой умозрительную конструкцию. Системный реализм предлагает перенести исследовательское внимание с отдельных государств, предположительно движимых рациональными интересами, на отношения в мировой системе в целом, где поведение отдельного государства в большей степени определяется логикой системы. Последнее методологически точнее, так как стремление государ-

ства накапливать силу объясняется не «человеческой природой», а системными требованиями [Burchill 1996, p. 85–86].

Исследователь имеет дело уже не с хаосом, а с мировым порядком, то есть системой межгосударственных отношений в конкретный момент времени. Системные реалисты предположили, что мировые порядки обладают не только пространственной, но и временной конфигурацией. Первый мировой порядок формируется примерно в конце XV – начале XVI в. и обычно ассоциируется с подписанием в 1494 г. Тордесильяского договора, уточнившего границы между владениями монархов Испании и Португалии в Новом Свете [Modelski 1987, p. 25]. Многие авторы – далеко не только реалисты – полагают, что история прошла через следующие циклы гегемонии, или мировые порядки: португальский, голландский, первый и второй британский, и наконец, американский, начавшийся после 1945 г. [Modelski 1987, p. 40]. В каждом цикле определенное государство является мировым гегемоном или лидером. Джордж Модельски полагал, что циклы гегемонии совпадают с «кондратьевскими циклами» в экономике. С этой схемой соглашался также И. Валлерстайн (которого, конечно, нельзя назвать политическим реалистом, даже системным), выделяя четыре цикла гегемонии – «спинной хребет» империи Габсбургов, Голландия, Британия и США [Hopkins, Wallerstein 1983]. «Спинной хребет» составляют Фландрия, южная Германия, северная Италия и Испания – при безусловном превосходстве Португалии, когда речь идет о морской торговле [Wallerstein 2011, p. 165].

Теория гегемонистских циклов позволяет объяснить долгосрочную стабильность, не выходя из рамок реализма. Она получила название теории гегемонистской стабильности, так как периоды стабилизации и дестабилизации мировой системы связываются с подъемом и упадком одного государства. Установление власти очередного гегемона происходит в результате мировых войн (то есть войн за гегемонию). После того как война заканчивается, мировой порядок временно стабилизируется [Gilpin 1981, p. 51], так как власть полностью сконцентрирована в руках гегемона, а другие государства не подвергают сомнению его превосходство. Гегемон не просто господствует над другими государствами или эксплуатирует их, он действительно создает мировой порядок, обеспечивая относительную безопасность и возможность свободного торгового обмена [Gilpin 1981, pp. 34–36].

Упадок гегемона неизбежен в связи с его стремлением заниматься буквально всеми мировыми делами, что приведет к «имперскому перенапряжению» [Kennedy 1987]. Наступает фаза нестабильности и высокого риска межгосударственного конфликта. Она

именуется также фазой вызова: гегемон демонстрирует снижение силы, поэтому соперники получают возможность подвергнуть его власть сомнению и развязать следующую войну. Эпоха мира заканчивается вместе с очередной фазой гегемонистского господства [Gilpin 1981]. Таким образом, мировая система развивается от многополярности к однополярности и затем снова к многополярности. Очередной гегемон чаще всего является членом коалиции, которая вела войну на стороне предыдущего, причем это должен быть наименее пострадавший член коалиции, обычно вступивший в войну позже других. Важными являются характеристики не только гегемона, но и соперника. Он выступает как полная противоположность гегемону: если гегемон это всегда морская держава, то соперник – сухопутная, у гегемона политическая система «открытая», у соперника – «закрытая» и т. д. [Modelski 1987, pp. 220–227].

Теория гегемонистской стабильности имеет ряд серьезных недостатков. Прежде всего она не учитывает, что «эпоха государств» началась чуть более 350 лет назад, когда закончилась война между протестантской и католической коалициями в Европе. Неясно, о каком соперничестве Португалии с Испанией может идти речь в первой половине XVI в., если территориальные консолидированные государства в современном смысле еще не существовали [Tilli 1975]. Теория подразумевает многочисленные анахронизмы, позволяя, например, Модельски утверждать, что Россия является национальным государством с 1552 г., с момента взятия Казани [Modelski 1987, p. 147]. Можно привести критическое замечание Гилпина о теории Модельски:

Несмотря на то, что столетний цикл войны и мира, возможно, существует, данная идея остается умозрительной, хотя и интересной, до прояснения механизма, который определяет и производит эти циклы [Gilpin 1981, p. 205].

Тем не менее Гилпин согласен с Модельски по поводу двух последних циклов.

Нельзя отрицать, что при всей абстрактности ТГС, которая плохо накладывается на историческую реальность, она хорошо подходит для объяснения двух последних циклов гегемонии. По мнению Модельски, первый британский цикл продолжался с 1714 по 1792 г., когда он был прерван революционными и наполеоновскими войнами (соперник: Франция), чтобы после их окончания перейти во второй британский цикл, продолжавшийся с 1815 по 1914 г. Период 1914–1945 гг. Модельски рассматривает как единую войну за мировую гегемонию [Modelski 1987, p. 40], в которой соперником

Британии является Германия, относительно новое, по европейским меркам, государство. В соответствии с теорией, гегемония переходит к наименее пострадавшему члену коалиции, сражавшейся на стороне прежнего гегемона, то есть к США.

Можно сказать, что послевоенный мировой порядок был триумфом ТГС, так как в этот период фразу «биполярная система» начинают употреблять повсеместно, а разговор о полярности всегда подразумевает наличие гегемонии.

Теория гегемонистской стабильности и отношения западного и советского блоков в период холодной войны

Признавая, что американский цикл начинается с 1945 г., теоретики системного реализма трактуют СССР в качестве соперника [Modelski 1987, p. 11; Gilpin 1981, p. 241]. Обладая всеми видимыми качествами такого соперника (континентальный характер, авторитарное управление и т. д.), это государство превосходно вписывается в систему до момента своего распада в 1991 г. Ранее случаи исчезновения соперника еще до начала войны за мировое господство не отмечались в стройной ТГС. Эта странность позволяет предположить, что система 1945–1991 гг. не была в полном смысле гегемонистской. Противостояние СССР и США было не геополитическим, а идеологическим, что исключало возможность нормального гегемонистского соперничества между ними. Вместо него возникла аномальная биполярная псевдосистема с незначительным числом взаимосвязей.

Автор использует понятие «псевдосистема», так как социалистическая и капиталистическая системы хозяйства сосуществовали относительно независимо друг от друга. Внутри каждая из них была достаточно интегрирована, но характер внутренних экономических связей затруднял взаимодействие между системами. Отношения между элементами этих систем существенно различались: в рамках Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) обмен носил неэквивалентный характер, а разделение труда имело специфический оттенок: политический лидер блока (СССР), вместо того чтобы черпать ресурсы из предполагаемых «колоний», снабжал их топливно-энергетическим сырьем, способствуя развитию промышленности стран Восточной Европы и возлагая бремя военных издержек на собственную экономику и окружающую среду. Это нельзя назвать торговлей, скорее – «системой централизованного бартера» [Россия и Центрально-Восточная

Европа 2005, т. 2, с. 164–165]. СССР продавал дорогостоящее сырье по ценам, заниженным по сравнению с мировыми, а покупал восточноевропейский ширпотреб среднего качества – по завышенным. За 1970–1984 гг. общая сумма выигрыша от торговли с СССР, накопленного странами ЦВЕ, составила 196 млрд долл. Такая система не могла взаимодействовать с капиталистической экономикой, за исключением небольшого числа специальных изолированных каналов.

Очевидно, что поведение СССР отличается от поведения обычного (точнее, *сильного*) капиталистического государства. Советский Союз не преследовал каких-либо рационально объяснимых национальных интересов, раздавая собственные ресурсы партнерам по СЭВ или даже просто третьим странам, лидеры которых обещали поразмышлять над возможностью перехода к социалистическому пути развития. Уровень жизни в СССР серьезно отличался – в худшую сторону – от среднего уровня жизни в странах народной демократии. СЭВ успешно решал задачу выравнивания уровней развития стран-членов. Некоторые отсталые национальные экономики (например, Социалистическая Федеративная Республика Югославия) смогли осуществить модернизацию без особых социальных потерь. Технические и научные инновации из страны в страну передавались безвозмездно.

Существовала также проблема социалистического разделения труда, которую невозможно объяснить, оставаясь на позициях реализма. Внутреннюю организацию экономики социалистического блока определяли не чьи-либо интересы (менее всего – советские), а стремление руководства СССР досконально следовать экономическим представлениям марксизма XIX в. Каждая страна пыталась создать замкнутую национальную экономику, едва ли не со всеми отраслями (например, почти каждая страна Восточной Европы производила собственный низкокачественный автомобиль вместо того, чтобы производить одну «социалистическую модель», но приемлемого качества). Разделение труда в СЭВ носило межотраслевой характер, в то время как капиталистические страны Европы переходили на поузловую и подетальную специализацию предприятий. В результате недостаточного разделения труда промышленные связи между предприятиями разных социалистических стран были слабыми.

Накопившиеся проблемы в экономических отношениях внутри социалистического лагеря в сочетании с ослаблением советского контроля за компартиями стран народной демократии привели к тому, что социалистические страны стали обращаться за кредитами в западные финансовые организации. Польская Народная Респуб-

лика к началу 1980-х гг. задолжала кредиторам около 26 млрд долл. Огромные долги, естественно, вызвали инфляцию и нехватку товаров повседневного спроса. По иронии судьбы поводом для охвативших страну забастовок было расширение продажи мяса по коммерческим ценам. Большинство рабочих, даже членов профсоюза «Солидарность», не выступали за переход к капитализму (они требовали, например, передачи управления предприятиями рабочим советам), но лидеры движения, получавшие поддержку Запада, использовали протестные настроения в своих целях.

В ретроспективе очевидно, что западные страны уже тогда отработывали тактику мирной смены режима в странах народной демократии, используя кредитование как рычаг давления. Существование социалистической системы представляло вызов капиталистическому миру и мешало ему нормально функционировать, так как практики насильственного открытия иностранных рынков для западного капитала, характерные для XIX – начала XX в. (разнообразные варианты «политики большой дубинки»), теперь могли подтолкнуть третьи страны в сторону сближения с социалистическим лагерем.

Социалистическая Республика Румыния осталась единственной европейской социалистической страной, которая к 1989 г. выплатила западным кредиторам около 20 млрд долл. своего долга, но это было достигнуто введением режима жесткой экономии, ударившего по покупательной способности населения. Почти все, производимое промышленностью в конце 1980-х гг., уходило на выплаты: например, только 6,3% бензина поступало на внутренний рынок [Россия и Центрально-Восточная Европа 2005, т. 2, с. 466]. Положение Румынии несколько облегчало наличие собственных запасов нефти, какое-то время позволявших ее руководству лавировать между СССР и Западом.

Самым сложным экономическим годом для Восточной Европы стал 1989-й – все показатели экономического и социального развития резко изменились в худшую сторону. В то же самое время правящие партии были поражены кризисом и неспособны решать управленческие задачи. Однако импульс распада социалистической системы исходил не из Восточной Европы, а из Москвы. Генеральный секретарь ЦК КПСС М. Горбачев сделал ряд заявлений, свидетельствующих о том, что он отказывается от «доктрины Брежнева» и что события в странах Восточной Европы являются их внутренним делом. Никакой помощи рушащимся социалистическим режимам Советский Союз не оказал, более того, он первым вышел из расчетов в переводных рублях, уничтожив финансовую систему СЭВ.

Резкое изменение поведения СССР позволяет в ретроспективе подвергнуть сомнению его понимание политическими реалистами как обычного империалистического государства, прикрывающегося социалистической риторикой. В тот момент, когда поведение СССР изменилось, стало ясно, что раньше Советский Союз представлял собой идеократическое государство, ориентированное не на защиту национальных интересов, а на построение коммунистического общества, что предполагало, помимо прочего, постепенное исчезновение всех государств. Такое государство не заинтересовано в борьбе за гегемонию, в лучшем случае гегемония может стать для него тактическим ходом на пути к глобальному бесгосударственному и бесклассовому обществу. Параллельно с отказом от построения социализма и коммунизма Советский Союз пытается перейти к внешней политике в духе реализма, сокращая ненужные расходы в период экономических трудностей. Этот переход так и не завершился вследствие продолжения процесса распада и образования новых независимых государств, включая Россию. Можно отметить, что Россия, после короткого периода увлечения министра иностранных дел А. Козырева вильсонизмом, уже в середине 1993 г. перешла к реалистической (силовой) внешней политике, если не практически, то на уровне риторики.

Заключение

Основной вывод статьи состоит в том, что, хотя конфликт СССР и Запада был представлен последним как геополитический, его разрешение в пользу капиталистической системы произошло не геополитическим, а экономическим путем. Мировой войны за мировую гегемонию не случилось, Соединенные Штаты сохранили свою позицию, в то время как их предполагаемый соперник сначала добровольно разрушил сферу своего влияния, а затем самоликвидировался. Идея «биполярного мира», в котором социалистическая и капиталистическая системы являются геополитическими соперниками, представляет собой маскировочную пелену, с помощью которой от глаз западной публики скрывали идеологическую природу глобального противостояния. Политика в отношении советского блока свидетельствует, что США и их союзники не видели в странах социализма геополитических противников в борьбе за гегемонию: вместо того чтобы формировать коалицию для гегемонистской борьбы, западные страны пошли по пути размывания экономической границы между капиталистическим и социалисти-

ческим лагерями, после чего тема геополитического соперничества потеряла смысл.

После распада псевдобиполярной системы и глобализации капиталистической экономики следовало ожидать формирования нового противостояния между гегемоном и соперником. Тем не менее в настоящий момент, при очевидном упадке гегемона, на мировой арене не наблюдается ни единственного соперника, ни коалиции. В обозримом будущем ни одно из существующих государств не сможет бросить вызов гегемонии США. Такая ситуация ставит под вопрос всю теорию гегемонистской стабильности, превращая ее из метатеории в один из вариантов объяснения глобальных политических процессов в конкретный исторический период протяженностью примерно в двести лет (конец XVIII – конец XX в.). Вполне возможно, что появление этой теории связано с формированием национальных государств, а ее кризис – с глобализацией и угасанием роли государства.

Литература

- Поздняков 1976 – *Поздняков Э.А.* Системный подход и международные отношения. М.: Наука, 1976. 159 с.
- Россия и Центрально-Восточная Европа 2005 – Россия и Центрально-Восточная Европа: Трансформации в конце XX – начале XXI в. / Отв. ред. С. Глинкина, И. Орлик: В 2 т. М.: Наука, 2005. Т. 1. 357 с.; Т. 2. 410 с.
- Brown 1992 – *Brown S.* International Relations in a Changing Global System: Toward a Theory of the World Polity. Boulder, Co: Westview Press, 1992. 190 p.
- Burchill 1996 – *Burchill S.* Realism and Neo-realism // Burchill S., Linklater A. Theories of International Relations. Houndmills, etc.: Macmillian Press, 1996. P. 68–93.
- Gilpin 1981 – *Gilpin R.* War and Change in World Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 272 p.
- Hopkins, Wallerstein 1983 – *Hopkins T.K., Wallerstein I.* Cyclical Rhythms and Secular Trends of the Capitalist World-Economy: Some Premises, Hypotheses, and Questions // Hopkins T.K., Wallerstein I. and associates. World-systems Analysis: Theory and Methodology. Beverly Hills: Sage, 1983. P. 104–120.
- Kennedy 1987 – *Kennedy P.* The Rise and Fall of the Great Powers. New York: Random House, 1987. 704 p.
- Modelski 1987 – *Modelski G.* Long Cycles in World Politics. L.: Macmillan Press, 1987. 256 p.
- Morgenthau 1962 – *Morgenthau H.* The Decline of Democratic Politics. Chicago: University of Chicago Press, 1962. 431 p.
- Tilly 1975 – *Tilly Ch.* (ed.) The Formation of National States in Western Europe. Princeton: Princeton University Press, 1975. 711 p.

Wallerstein 2011 – *Wallerstein I. The Modern World-System I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century*. Berkeley: University of California Press, 2011. 444 p.

Waltz 1979 – *Waltz K. Theory of International Politics*. N.Y.: McGraw-Hill, 1979. 251 p.

References

Brown, S. (1992), *International Relations in a Changing Global System: Toward a Theory of the World Polity*, Westview Press, Boulder, Co.

Burchill, S. (1996), “Realism and Neo-realism”, in Burchill S., Linklater A. (eds.), *Theories of International Relations*, Macmillian Press, Houndmills, etc., UK, pp. 68-93.

Gilpin, R. (1981), *War and Change in World Politics*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Glinkina, S. and Orlik, I. (eds.) (2005), *Rossiia i Tsentral’no-Vostochnaya Evropa. Transformatsii v kontse XX – nachale XXI v.* [Russia and Central East Europe. Transformation at the end of the 20th – beginning of 21st century], in 2 vols., Nauka, Moscow, Russia.

Hopkins, T.K. and Wallerstein, I. (1983), “Cyclical rhythms and secular trends of the capitalist world-economy: some premises, hypotheses, and questions”, in Hopkins, T.K., Wallerstein, I. and associates, *World-systems Analysis: Theory and Methodology*, Sage, Beverly Hills, USA, pp. 104-120.

Kennedy, P. (1987), *The Rise and Fall of the Great Powers*, Random House, New York, USA.

Modelski, G. (1987), *Long Cycles in World Politics*, Macmillan Press, London, UK.

Morgenthau, H. (1962), *The Decline of Democratic Politics*, University of Chicago Press, Chicago, USA.

Pozdnyakov, E.A. (1976), *Sistemny i podkhod i mezhdunarodnye otnosheniya* [Systemic Approach and International Relations], Nauka, Moscow, Russia.

Tilly, Ch. (ed.) (1975), *The Formation of National States in Western Europe*, Princeton University Press, Princeton, USA.

Wallerstein, I. (2011), *The Modern World-System I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century*. University of California Press, Berkeley, USA.

Waltz, K. (1979), *Theory of International Politics*, McGraw-Hill, New York, USA.

Информация об авторе

Анастасия В. Митрофанова, доктор политических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия; 117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5; anastasia-mit@yandex.ru

Information about the author

Anastasiya V. Mitrofanova, Dr. of Sci. (Political Science), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993;

Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bldg. 5, bld. 24/35, Krzhyzhanovskii Street, Moscow, Russia, 117218; anastasia-mit@yandex.ru